

Буддийские методы и подходы универсальны и могут быть применимы к различным ситуациям и обстоятельствам современной и такой быстротечной жизни. Буддийская культура, которая преимущественно нацелена на духовное совершенствование человека и построение гармоничного общества, способна предложить новые подходы и модели всему современному деловому миру, где зачастую нарушаются этические нормы и идеалы. Этические ценности и философские идеи буддийской традиции, несомненно, полезны и жизненно важны для каждого человека.

Библиографический список:

1. Агаджанян А. С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М. : Наука. Восточная литература. 1993.
2. Дхаммапада / пер. с пали, введ. и комм. В. Н. Топорова; отв. ред. Ю. Н. Рерих, Ин-т Востоковедения РАН. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 160 с.
3. Кравцова М. Е. О начальном распространении буддизма в Китае // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. № 3. 2001. С. 3–11.
4. Торчинов Е. Краткая история буддизма: происхождение и развитие, философия и литература. СПб. : Амфора. 2008. 430 с.
5. Уланов М. С. Отношение к труду и богатству в раннем буддизме // Синергия наук. №16. 2017. С. 1094–1099.
6. Уланов М. Е. Буддизм и современный бизнес // Синергия наук. № 2 (30). 2016. С. 164–171.
7. Цыренов Ч. Ц. Современный буддизм в КНР: общественно-политический аспект // Власть. №5. 2016 С. 151–156.

Быданцев А. П.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. В работе представлен краткий анализ некоторых официальных документов Русской православной церкви, в которых оговаривается проблема взаимоотношений церкви и государства. Ставится вопрос о политической деятельности церкви и определяется проблемное поле в изучении политической теологии Русской православной церкви как возможной основы политической деятельности церкви.

Ключевые слова: Русская православная церковь, политический субъект, политическая теология.

Существует проблема определения политического характера Русской православной церкви Московского патриархата (далее РПЦ МП), которая включает автономные, самоуправляемые церкви и все остальные канонические подразделения, составляющие Московский патриархат. Если обратиться к документам, которые представлены на официальном сайте Московской патриархии, то мы обнаружим следующие формулировки: «Канонические подразделения Русской Православной Церкви не ведут политической деятельности и не предоставляют свои помещения для проведения политических мероприятий» [9].

В документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится, что «участие архиереев и священнослужителей в какой-либо предвыборной агитации, а также членство их в политических объединениях, уставы которых предусматривают выдвижение своих кандидатов на выборные государственные посты всех уровней» [6] не допускается. Таким образом, РПЦ МП официально заявляет о своей отстраненности от политических процессов.

С другой стороны, в том же документе говорится, что приветствуется «диалог и контакты Церкви с политическими организациями в случае, если подобные контакты не носят характера политической поддержки». Вопрос: что понимать под политической поддержкой, не разясняется. Разве нельзя считать факт самого контакта проявлением политической поддержки? Далее говорится: «Считать допустимым сотрудничество с такими организациями в целях, полезных для Церкви и народа, при исключении интерпретации подобного сотрудничества как политической поддержки» [6]. Допустим, если в сотрудничестве церкви и политической организации поддержка была осуществлена, то это значит, что мы неправильно интерпретируем данное сотрудничество, т.к. соответствующий документ исключает такую возможность.

Также интересной является следующая цитата: «Перед лицом политических разногласий, противоречий и борьбы Церковь проповедует мир и соработничество людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян, за исключением таких, которые явно ведут к действиям, противоречащим православному вероучению и нравственным нормам церковного Предания» [6]. Получается, если у церкви имеется взгляд на недопустимость некоторых радикальных, по ее мнению, политических убеждений, то не говорит ли это о наличии политических оснований заявленной позиции церкви.

Таким образом, РПЦ МП в своих документах провозглашает непричастность к политической деятельности. Но даже неполный анализ содержания «Основ социальной концепции Русской православной церкви» показывает противоречивость заявленных утверждений. Также стоит отметить, что в документе политическая деятельность показана как прерогатива исключительно государственных структур. Такое понимание является ограниченным, т.к. в политологии феномен политического и политической деятельности не обязательно связано с институтом государства. Так, по мнению Карла Шмитта, «политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей». Под политическим субъектом (актором) может выступать любой индивид, общественная группа, институт, осуществляющие конкретное политическое действие [3, с. 28–35].

Существует также представление, что религиозные объединения не являются политическими субъектами, потому что они созданы не для борьбы за власть и не для выполнения функций политической власти, при том, что они могут выполнять политические функции [5, с. 41]. Но это проблема начального этапа религиозных объединений, когда они только зарождаются. При дальнейшей институционализации их структура усложняется, и создаются связи с другими социальными институтами. Это дает основания для получения статуса политического субъекта религиозной организацией.

Статус политического субъекта религиозных организаций может зависеть от двух обстоятельств: первая связана с выполнением религией хранения и поддержания установленных в обществе ценностей, вторая связана с усилением влияния верующих на политические процессы [2, с. 297].

Имеются конкретные факты политической деятельности иерархов РПЦ. Для примера можно привести выступления патриарха Кирилла в Государственной Думе РФ [1], попытки влияния иерархами РПЦ на культурную политику некоторых регионов РФ (24 февраля 2015 г. из-за действий митрополита Тихона Новосибирской епархии возникли проблемы у режиссера театра Тимофея Кулябина, что способствовало временному запрету некоторых театральных постановок в Новосибирске) [7, с. 77–87]. Подобные события дают понять, что на практике деятельность РПЦ зачастую носит политический характер.

Политическая деятельность христианской конфессии может говорить о наличии политической теологии. Здесь не будет разворачиваться история понятия «политическая теология», но я предполагаю, что в православном, в том числе русском православном богословии можно обнаружить работы, в которых существует концептуализация политической теологии, как реализации миссии РПЦ МП по преобразованию общества. Какие богословские основания есть у политической деятельности РПЦ МП? Поэтому для меня становится важной цель, которая заключается в проведении анализа православных теологических работ и документов РПЦ МП на предмет определения православной политической теологии.

Для достижения цели необходимо прояснять проблему разграничения политизации православия со стороны общественности и обозначения самого феномена политической теологии в РПЦ. Многие исследования, которые пытаются изучать вопрос основ политической деятельности церкви не всегда придерживаются научных принципов, например, в работе «Современная политическая доктрина РПЦ» Сергея Григорьевича Осьмачко, в которой дается характеристика системы политических взглядов РПЦ, имеется следующая цитата: «РПЦ официально не выражает никаких политических предпочтений, однако церковное умение держать «нос по ветру» общеизвестно; а что, например, мешает РПЦ осудить тоталитаризм, сталинщину, войну с собственным народом, об интересах которого церкви следует печаловаться» [7, с. 77–87]. Подобные заявления, по моему мнению, недопустимы в научной речи, т.к. они исходят из всевозможных предвзятых установок по отношению к церкви. Другие исследования отгораживают РПЦ МП от феномена «политического православия» (который также является большим полем для исследования), утверждая, что нет никакой связи между официальным учением РПЦ и сторонниками «политического православия» [4, с. 96]. По моему мнению, обе позиции являются крайностями критического и апологетического отношения к церкви.

Таким образом, попытки обозначить политическую повестку РПЦ в современной России имеют методологические проблемы. Обозначение проблемы исследовательского поля по определению политической теологии в РПЦ имеет ряд требований: необходимо выработать адекватные установки для определения границ деятельности РПЦ МП, обеспечение непредвзятого и терминологически точного описания поставленных проблем.

Библиографический список:

1. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии III Рождественских Парламентских встреч. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3960558.html> (дата обращения: 28.10.2018)
2. Кирилук Ф. М., Обушный М. И., и др. Политология / Учебное пособие. Киев : Здоровья. 2004.
3. Мельвиль А. Ю. Категории политической науки / Учебник. М. : МГИМО. 2002. С. 28–35.
4. Митрофанова А. В. «Политическое православие» и проблемы религиозности // Философия и общество. 2006.
5. Нуруллаев А. А., Нуруллаев Ал. А. Религия и политика / Учебное пособие. М. : КМК. 2006.

6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (дата обращения: 28.10.2018)
7. Осьмачко С. Г. Современная политическая доктрина Русской православной церкви // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 77–87.
8. Прокуратура преследует новосибирского режиссера из-за жалобы митрополита РПЦ. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2015/02/24/1371225.html> (дата обращения: 28.10.2018)
9. Устав Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133115.html> (дата обращения: 28.10.2018)

Вафина М. Р.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫХОДА ТУРЦИИ ИЗ НАТО

Аннотация. В данной работе автор проводит анализ кризиса двусторонних отношений Турции и НАТО, а также производит оценку влияния религиозного фактора на перспективы дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: Турция, НАТО, ислам.

Кризис, наблюдаемый в Организации Североатлантического договора на современном этапе, представляет собой явление структурного характера и подвержен воздействию целого комплекса факторов. В данном контексте политически и академически актуальной будет работа по анализу религиозного аспекта в рамках отношений Турция-НАТО на современном этапе, что позволит составить прогнозный сценарий и определить степень влияния данного фактора на принятие Турцией возможного решения о выходе из состава Альянса.

Цель данного исследования – выявление роли религиозного фактора на перспективы развития отношений Турция-НАТО на современном этапе. Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. выяснить истоки возникновения кризиса в отношениях по причинам религиозного характера;
2. охарактеризовать процесс взаимодействия Турции со странами-членами НАТО, принадлежащими другой конфессиональной группе;
3. определить дальнейшие тенденции развития отношений Турции и НАТО.

Особо следует отметить, что данная проблема не была освещена в русскоязычном научном сообществе до настоящего момента, поэтому в ходе исследования была проведена работа с материалами турецких авторов, а также был сделан анализ турецкой прессы по теме исследования. В качестве метода исследования был выбран анализ, что обеспечило автора необходимыми данными для составления прогнозного сценария развития отношений Турция-НАТО в краткосрочной перспективе.

Турция является единственной страной с преобладающим мусульманским населением из всех 29 стран-членов НАТО [1]. Безусловно, это сказывается на процессе двустороннего сотрудничества в рамках Альянса. Культурные противоречия и расхождения в менталитете еще больше обостряют имеющиеся политические разногласия.

Вступление Турции в НАТО в 1952 г. было стратегически важным шагом для США и союзников по противостоянию «советской угрозе» на ближневосточном направлении. Однако с окончанием Холодной войны, цели, стратегия и идеология НАТО также неизбежно подверглись определенным изменениям.

Отправной точкой начала трансформации идеологии Организации Североатлантического договора может послужить знаменитая речь премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер во время собрания представителей Альянса в 1990 г. в Шотландии. По словам политика, ни один союз не может существовать без такого объединяющего фактора, как образ «общего врага». На смену периоду «советской угрозы» и противостояния СССР и США пришла эпоха постбиполярного мира, а значит, перед Альянсом стоит задача по поиску нового противника. Маргарет Тэтчер принадлежит заявление о том, что «наш новый враг будет принадлежать миру ислама» [2].

В турецкой прессе данному эпизоду уделяется особое внимание. Так, проводятся параллели между тактикой поведения современных государств-членов НАТО и теми действиями, которые были произведены в ходе Крестовых походов стран Западной Европы против мусульман XI–XV вв. [3].

Относительно идеи объединения Альянса с помощью идеологического противостояния дается следующая аллегория: «флаг врага НАТО с красного цвета коммунизма был заменен зеленым цветом ислама». Также в турецких источниках подчеркивается преемственность стран Запада как наследниц исторической конъюнктуры, по аналогии с Крестовыми походами оцениваются и современные военные операции НАТО в странах мусульманского мира. Предпосылкой для подобных сравнений стало выступление Джорджа Буша-младшего, в ходе которого по поводу войны в Ираке им было использовано такое определение, как «крестовый поход против всего исламского мира» [3]. За этим громким заявлением последовали многочисленные объяснения по поводу формулировок, однако мусульманскими странами подобное высказывание было